

Е

сли спросить, кто более всего повлиял или что более всего повлияло на выбор моих путей или целей, на восприятие мира и его ценностей, я назову на первом месте маму и книгу. Конечно, в детстве я еще не понимала все значение материнской любви и воспитания. Это как воздух, которого не замечаешь, но без которого умрешь. Но мама научила меня читать. И вот среди всего, что меня окружало, что было привычным и обыкновенным, вдруг явилось открытие — книга! Меня поразила сам факт существования книг, через буквы которых открывается огромный, необъятный мир, выходящий далеко за пределы не только моей деревни, но и Вселенной. Господи, да я и слова «Вселенная» не знала, мне было пять лет! Но границы моего маленького мирка так расширились, его заселило такое множество народу, я окунулась в такие гущи событий! Я с жадностью поглощала страницы — рассказы, стихи, сказки, повести, и мне казалось, что это одна бесконечная и необыкновенная Книга, и мне теперь даровано счастье с восторгом читать ее всю жизнь. Самый трудный и даже неразрешимый вопрос — какая книга стала для меня примером, путеводителем по жизни? Я не беру во внимание прочитанное в сознательном возрасте, когда уже многое определено. Сказать, что всю жизнь одно произведение является моей настольной книгой? Что я все долгие годы следую прозрениям и философии автора, указавшего мне путь? Нет и еще раз нет! А в детстве... Я примеряла на себя многие судьбы, ошибки и подвиги. Но выбрать один мир — это было невозможно. Это значило бы отказаться от всего прочего, что так интересно, увлекательно, познавательно, разнообразно! Ведь для того, чтобы выбрать свою цель в жизни, вовсе не обязательно, чтобы к этому подтолкнула книга. Достаточно бывает маленькой вырезки из газеты, кинофильма или рассказа заезжего гостя. Примеры, которым хочется следовать, конечно, существуют. Но чтобы сверять свой путь по одной-единственной книге, питаться всю жизнь ее раз и навсегда определенной мудростью — на мой взгляд, это обеднять себя, ограничивать и ставить в жесткие рамки чужого жизненного опыта.

Импульс, толчок — да, это я понимаю. Для меня таким импульсом была маленькая книжечка стихов тамбовской поэтессы Майи Румянцевой, выпущенная издательством «Молодая гвардия» в серии «Молодые голоса». Кажется, это было в 1964 году, когда мне было девять лет. Даже не знаю, каким образом она попала ко мне в руки в нашей глухой деревне, где еще и электричества не провели. Имя это ныне почти забытое, но я-то Майю Александровну не забуду! Вот не с Пушкина, Некрасова, не с Блока, а именно с нее началась моя любовь к поэзии. До той поры мне имена поэтов мало о чем говорили, они были абстрактны, нереальны. Просто рифмованные строки. Мне виделась в этом некая искусственность, нарочитость. И тут вдруг — настоящий живой человек, из нашей области, написал книгу стихов! И пусть далеко от меня Тамбов, и, наверное, я в нем никогда не побываю, но строки:

Маленькие, маленькие —
Не могли знать боя мы.
Но тогда за партами
Были мы героями.
На пустой желудок —
Лишь герой так сможет:
Апельсины с яблоками
Складывать да множить.
Да еще и правильно,
Да еще и на пять,
Да еще при этом
Даже не заплакать.

И еще стихотворение «Баллада о седых». Оно длинное, процитирую только финальные строки:

Пусть сейчас не война... Не война,
Но от горя растет седина.
Эх ты, молодость, злая модница,
Над улыбкой седая прядь.
Это даже похоже на подлость —
За полтинник седею стать...
Я не против дерзости в моде,
Я за то, чтобы модною слыть.
Но седины — как славу, как орден —
Надо, выстрадав, заслужить.

От всех нас тогда война недалеко отстояла, и как было не понять детским сердечком совсем близкое, непридуманное, раненное! Конечно, нет в приведенных стихах ярких образов, поэтической тайны, наоборот, проза и даже некое морализаторство. Но зато это была живая жизнь, вписанная в стихотворные строки. И я приняла их как откровение! Если раньше прочитанное развивало мое воображение, побуждало к познанию, то здесь произошло преобразование. Я почувствовала силу слова, его мгновенное воздействие на душу, его правду и свою сопричастность к этому слову и к этой правде. Впервые состоялось воссоединение двух ранее таких различных для меня миров — мира литературы и мира реальной жизни. Там были и другие стихи, многие — о любви, и они тоже почему-то были понятны мне («Скажи, а чайки тоже умирают, /Когда их море предает?»), но вот эти запомнились особенно.

Я не знала еще, что цепочка обстоятельств — книга, стихи, поэтесса, Тамбов, Москва, Литературный институт, «Молодая гвардия» и вновь книга — каким-то странным образом повторится в моей судьбе. Я буду учиться в Тамбове и там увижу и услышу Майю Румянцеву. Я буду вспыхивать румянцем каждый раз,

когда это случится, как будто меня с ней объединяет некая тайна. Я не посмею подойти к ней и уж тем более заговорить, но каждый раз это будет для меня огромным событием. Я буду жадно вглядываться, запоминать и не устать поражаться тому, что вот в этой женщине впервые для меня совместились живой человек и главное детское пристрастие — Книга. Уеду в Москву и потом тоже окончу Литературный институт имени Горького. Буду работать в издательстве «Молодая гвардия», там же в серии «Молодые голоса» выйдет и моя первая книжечка стихов.

Майя Александровна родилась в Москве, это потом военная и послевоенная судьба привела ее на нашу Тамбовщину. Она ушла из жизни в 1980 году. Я не знала об этом. В том же году как раз уехала в Москву и оттуда, наконец, решила написать ей — о том, как увидела ее книгу в детстве, о своих впечатлениях, о том, как слушала ее выступление в Тамбовском техникуме и после вечера шла за ней поодаль, и в газетном киоске вслед за ней купила журнал «Огонек», и нетерпеливо развернула — в нем оказалась подборка ее стихов. Написала о том, как она появилась в редакции областной молодежной газеты, где мы, несколько учащихся техникума, пробовали свои силы в журналистике, и, увидев ее, я опять вспыхнула диким румянцем. Я намекнула в письме и о своих первых стихотворных опытах.

А потом от поэтессы Марины Кудимовой из Тамбова узнала, что Майи Александровны больше нет. Опоздало мое письмо. Впоследствии я читала и другие ее книги, изданные в Липецке, Воронеже, Тамбове и Москве, но та, первая, чудом оказавшаяся в моих руках, пробудила во мне самые сильные и глубокие чувства. Я помнила ее всю наизусть, декламировала стихи из нее на разных мероприятиях. У меня она, к сожалению, не сохранилась. Многочисленные переезды, общежития, съемные углы московских квартир... Книга как появилась внезапно, так и исчезла непонятно куда, совершив свое дело.

Должна сказать, что я вовсе не собиралась повторять судьбу Майи Румянцевой, и о многих совпадениях тогда не подозревала. После войны ей пришлось заниматься черной работой, сменить несколько тяжелых для женщины профессий (стихотворение «Не верят мне, что работала грузчицей»), в моей трудовой книжке тоже много чего подобного записано. И все же у меня была своя дорога, свои повороты и события, совсем не похожие на ее, меня окружали другие люди, да и последующая жизнь оказалась иной. Тогда что это? И возможно ли назвать ту детскую чудесную встречу с тоненькой книжечкой неким знаком, указателем, или это просто случай, совпадение?

У Тютчева есть строки: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Да, не дано предугадать, где, в каких уголках земли окажутся наши откровения, в чьи добрые или недобрые руки они попадут, тронут ли они чью-то чуткую душу или останутся без внимания. И все же мне жаль, что Майя Александровна Румянцева так никогда и не узнала о чувствах маленькой деревенской девочки, вызванных ее стихами. Может быть, для нее это тоже оказалось бы нужным и важным.

Я знала человека, простого полуграмотного рабочего завода, который за свою жизнь прочитал всего одну книгу, попавшую к нему случайно. Да и книгой-то ее нельзя было назвать — истрепанный книжный блок, без обложки и первых страниц, так что неизвестно было даже ни имя автора, ни название. Но он ее прочитал, он ее всю жизнь помнил и все порывался пересказать содержание. А поскольку книга была довольно объемистая, о чем ее случайный обладатель честно предупредил, то его никто и не хотел слушать.

Вот такая странная судьба неопознанной книги! Ведь у книг, как и у людей, тоже разные судьбы. И далеко не всегда они зависят от громкого имени автора, престижности издательства или количества страниц.

Этим летом ко мне обратился немолодой мужчина из соседней деревни: «Если бы ты нашла время, я бы рассказал тебе всю свою жизнь. Ты не представляешь, чего в ней только не было! Обрыдаешься! Вот это была бы книга!» Не уверена, что задача писателя в том, чтобы, прочитав его произведение, все облились горячими слезами. Но думаю, что каждый человек — это тоже книга. И пусть такие книги различаются по степени художественной ценности, ценности человеческой личности, но читать их надо. Хотя бы затем, чтобы, вобрав в себя все многообразие судеб, создать и скорректировать свою собственную, неповторимую Книгу жизни.